

Интервью с Александром Михайловичем Никулиным

«Я СТРАННИК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ, И НЕ ТОЛЬКО АГРАРНЫХ...»

Никулин А. М. — окончил экономический факультет МГУ (1988 г.), кандидат экономических наук (1993 г.), магистратуру Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»), (1996); директор Центра аграрных исследований РАНХиГС. Основные области исследования: аграрная социология, аграрная экономика, историческая социология, социология знания.
Интервью состоялось: март – октябрь 2014 г

Интервью с Александром Михайловичем Никулиным началось в 20-х числах марта 2014 года, т.е. семь месяцев назад. Мы были знакомы до начала нашей беседы, поэтому не было необходимости во взаимном представлении, начало интервью было продолжением — конечно, на новом уровне — разговоров, обмена информацией, ведущихся несколько лет. Летом, в связи с полевыми исследованиями Александра в тех местах России, где Интернет работает нестабильно, режим диалога: «вопрос-ответ» было поддерживать сложно. Однако наше общение не прерывалось. Думаю, если собрать все письма, которыми мы обменялись за прошедшие месяцы, то сложится текст, по объему явно не уступающий объему публикуемого интервью.

Пятое поколение советских /российских социологов, к которому принадлежит Александр, — уже сейчас очень интересно для изучающих становление и развитие отечественной социологии, и навсегда останется притягательным для историков объектом анализа. Речь идет о социологах, родившихся в период 1959–1970 гг., они прошли социализацию в советское время, но профессионально созревали в условиях перестройки и в постперестроечные времена. В частности, это отражается в значительном многообразии профессиональных судеб представителей данного сообщества, в предыдущих поколениях подобного многоцветия не было. Так, в группе из восьми представителей данной когорты, с которыми мне удалось побеседовать до Никулина, есть специалисты, зарекомендовавшие себя в области методологии социологии и прикладных исследований, есть полстеры и исследователи рынка, есть обладатели зарубежных научных степеней и «именные» профессора, есть первооткрыватели новых для российской социологии предметных областей и пионеры использования новых эмпирических технологий.

В моем понимании, исследования Александра Никулина, в их исторической и современной составляющих, – это пример эффективного синтеза многих интересных, методологических подходов, выработанных в области экономической социологии, понимания традиций русской истории и в целом бережного отношения к прошлому, а также его повышенного внимания к текстовой культуре.

В ходе интервью я заметил, обращаясь к Александру: «Похоже, к истории Вы прикипели в детстве, экономика – стала Вашей профессией, а через [БД: Андрея] Платонова Вы вошли в 1920–1930-е; его философия времени и стиль письма вполне могли этому способствовать. Возможно отсюда и возникла Ваша замороженность указанным периодом развития российской экономики». Вот его комментарий: «Да, пожалуй, Вы правы, когда построили мою личностную эволюцию как: история – экономика – Платонов – 1920–1930-е... – остаток – Альтернативы! Я думаю, что наиболее честные, ответственные, профессиональные люди 1920–1930-х годов искали гуманистические альтернативы своему “веку катастроф”. Чайнов с коллегами искали альтернативы, Платонов искал альтернативы. Борьба за альтернативы свободного многовариантного развития человечества, – вот послание, идущее к нам из 1920–1930-х годов».

Эти слова Никулина многое проясняют в генезисе его аналитической, поисковой деятельности, но до многого еще надо докапываться. Я немного по-хорошему завидую тем, кто познакомится с Александром, через это интервью, а затем прочтет его книги и статьи. Тогда одна из важнейших целей этой беседы с ним будет достигнута.

Никулин А. М. «Я странник междисциплинарных направлений, и не только аграрных...»

Александр, в моем представлении определенная часть Ваших исследований связана с изучением аграрных проблем, связано ли это с Вашим происхождением, с деятельностью Ваших родителей? Что вообще Вам известно о Вашей семье?

Думаю, что мое происхождение и детство определенно повлияли на мой интерес к аграрной проблематике.

О семье и родителях. По материнской линии я происхожу из поволжских немцев и поволжских украинцев. Я как-то попросил мою бабушку (маму моей мамы) Амалию Давыдовну незадолго до ее смерти рассказать историю нашего рода. Она помнила историю семьи от имени прадеда с 1840-го года. Уже тогда жили мои предки немцы в Покровской Слободе (ныне город Энгельс Саратовской области) и окрестных немецкоязычных селах. Все в этом немецком роду по профессии были или колбасники, или сапожники. Муж бабушки дед Семен был хохол по фамилии Зейко, потом в советском паспорте его фамилию сокращенно записали как Зей. Они поженились в годы гражданской войны, когда в Поволжье царили голод и бандитизм. У Бабушки отец и мать, многие братья и сестры умерли от тифа или погибли в хаосе гражданской войны. Она семнадцатилетняя вышла замуж за деда, который был тогда на 18 лет старше ее. Думаю, все же у них был счастливый брак, потому что бабушка всегда про деда Зея вспоминала с доброй улыбкой и иногда даже смеялась, рассказывая какой у нее был веселый и хороший муж. На фотографиях дед Зей это лысый, усатый полный мужчина прищурено добродушно вас разглядывающий. Дед в 1920-е годы стал нэпманом. Он торговал табунами лошадей и всяческого скота. В 1930-м году его репрессировали как нэпмана. Вскоре он сбежал из среднеазиатского концентрационного лагеря обратно в Энгельс. Оттуда с бабушкой они подались куда-то под Ленинград. Через несколько лет поселились в Москве. В годы войны эвакуировались обратно в Саратовскую область, где дед до самой пенсии работал управляющим в совхозе. Бабушка вела домохозяйство. У них было двое детей: старший сын и младшая дочь — моя мама. Мама по окончании школы поступила в Саратовский пединститут, где училась на преподавателя немецкого языка. После пединститута преподавала немецкий в школах Энгельса. Там на танцплощадке познакомилась с моим отцом — радиоинженером, находившимся в Энгельсе в командировке. Отец влюбился в маму с первого взгляда и на третий день их знакомства предложил выйти за него замуж. Мама ответила на это предложение согласием, но не сразу, а примерно через полгода после их знакомства. Итак, они познакомились в 1961-м, поженились, в 1962-м родился я.

Мой отец Никулин Михаил Петрович 1936-года рождения родом из центрально-черноземных крестьян Липецкой области. У них в семье было четверо детей (отец третий по счету), когда в 1941-м из колхоза на фронт призвали его отца и старшего брата, вскоре погибших на войне. Итак, осталась моя бабушка Маша с тремя детьми в то нищее и голодное военное и послевоенное время особенно для крестьян. Отец учился в школе хорошо. Окончил ее с серебряной меда-

лю и поступил в Рязанский Радиотехнический Институт. По распределению был отправлен работать на оборонное предприятие в подмосковное Кунцево, которое в ходе хрущевских реформ в 1961-м году очутилось в составе Москвы. Отец тогда много мотался по командировкам в разных районах СССР, налаживая радиолокационные станции ПВО. Так он и в Энгельсе оказался.

Потом в 1964-м году он уже с мамой и со мной отправился в многолетнюю командировку в город Ковылкино, где в тамошнем военном городке и его испытательных военных объектах и отец и мама работали до 1973 года. Оттуда наша семья уже в 1974-м году (в 1970-м году родилась моя сестра) окончательно вернулись в Москву. Там родители продолжали до самой пенсии работать на своем почтовом ящике, где отец дослужился до должности заместителя директора. Мама умерла в 2006-м году. Отец, слава Богу, жив-здоров, бодр для своего возраста.

Отец очень дорогой для меня человек. Как-то, вслух переосмысливая пути своей жизни, он сказал, что по окончании школы очень хотел поступить учиться в сельскохозяйственный институт, например, в Воронеж. Но тогда, в первой половине 1950-х годов, такая была безысходность в сельской жизни, что казалось, нет никаких перспектив оставаться в деревне даже с высшим сельскохозяйственным образованием, и отец подался учиться и работать в радиопромышленность, где, в общем, сделал успешную карьеру, был награжден несколькими орденами за все их пво-шные ракетно-стрельбовые комплексы... Но по характеру он у меня крестьянин, и мировоззрение у него крестьянское, и самозабвенно любит он копать в земле на своем участке. И отец, и его родное село, в которое мы с ним неоднократно приезжали и до сих пор приезжаем, конечно, повлияли на мой интерес к аграрной проблематике.

Еще, пожалуй, на мои аграрные исследовательские инстинкты повлияло проживание в маленьком мордовском городке Ковылкино (в 1960-е годы там было 16 тысяч жителей). А все наши малые города это фактически большие села, даже если их жители трудятся на окрестных высокотехнологичных военных объектах. Я вообще эту жизнь в Ковылкино вспоминаю как самое счастливое время. Хотя, чего-там было такого особенного в этом грязном и бедном мордовском городке. Как-то там, в одной из глубоких уличных луж в конце 1960-х годов застряла машина скорой помощи. Стала ее из грязи вытаскивать милицейская машина и тоже застряла. Тогда принялась их вытаскивать пожарная машина и, конечно, застряла. Так городок в одночасье оказался без всех своих единственных машин всех экстренных служб.

Но там, в Ковылкино я на своей детской шкурке чувствовал, что это такое есть теннисовский гемайншафт, когда вокруг все люди и собаки знают друг друга. Кто-то из них дружит друг с другом, кто-то враждует, но фактически все друг друга знают.

Поэтому когда мы переехали в Москву, для меня здесь жизнь стала шоком. Нет, у меня в моей московской школе были нормальные, хорошие отношения с одноклассниками и учителями, но, все задушевно дружеское восприятие реальности осталось связанным с Ковылкино...

... два факта интересны: во-первых, сама история Вашей семьи, во-вторых, Ваше знакомство с прошлым семьи... хотя для Вашего поколения последнее — не столь уж редко... что запомнилось из московской школьной жизни? Поначалу,

возможно, после «деревенской» жизни было сложновато... да и говорок у вас был не московский, наверное, были проблемы общения с ребятами?

Вы упомянули «говорок не московский»... Вообще-то меня всегда удивляло, что в нашей громадной стране специфически русских говорков-диалектов не так уж и много в сравнение, например, с гораздо более компактной Германией. Ну, есть в России «говорки» с северно-нечерноземным «о-каньем», с черноземно-рязанским «я-каньем», с украинско-русским «г-ыканьем». В Мордовии не припоминаю я ни у кого «говора» особо отличного от доминирующего меж Калининградом и Владивостоком московско-российского наречия.

Вы меня про московский период спрашиваете, а мне бы хотелось еще немного о ковылкинском что-то добавить. Во-первых, в Ковылкино существовала особая субкультура военного городка, в котором жили мои родители. Этот военный городок на окраине городка Ковлыкино был не велик — пять пятиэтажных хрущоб из силикатного кирпича. В них жили офицерские семьи и семьи «промышленников». Мои родители относились к «промышленникам», то есть к гражданским военным инженерам и техникам. С утра за офицерами и инженерами в городок приезжали военные автобусы и увозили их за 10 километров в воинскую часть, где происходило налаживание и испытание военной техники. Вечером эти же автобусы всех привозили обратно. Еще в военном городке были собственные дом офицеров, школа, гостиница, магазины и так далее. А вокруг Ковылкино стояли дремучие мордовские леса с грибами, ягодами, речками и озерами.

Конечно, военный городок не академгородок, но, тем не менее, уровень образования и воспитания офицеров-ракетчиков и радиолокационных инженеров, был, мне кажется, достаточно высок. У меня в семье, а также у большинства друзей и знакомых родителей существовал своеобразный культ книги. Телевизоры черно-белые тогда показывали свои программы мало, однообразно и с помехами. Народ вокруг меня — и дети, и взрослые — увлекался чтением книг. Конечно, это, по преимуществу, была советская система чтения. Мама и ее подруги коллекционировали подписные издания классики и тома Библиотеки всемирной литературы; отец и его друзья, кроме подписной классики, которую тоже любили и читали, собирали военно-промышленные мемуары от маршала Жукова до авиаконструктора Яковлева. Родители, кроме пары советских газет, выписывали в ковылкинский период журналы «Новый мир», «Москву», «Науку и жизнь». Отец любил иногда по вечерам читать вслух для всей семьи Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Есенина, Шукшина. Отец очень рано научил и меня читать. С шести лет я пристрастился читать книжки запоем. Вспоминая в этот ковылкинский период репертуар особо полюбившихся и запомнившихся мне книг (это мне 6 — 10 лет), обнаруживаю в них явно выраженную историко-антропологическую тематику. Одной из первых мною прочитанных книг были «Сказки народов Азии» с чудесными иллюстрациями. Потом родители как-то подарили мне также великолепно иллюстрированную «Калевалу». «Калевалой» я просто бредил, бормоча отдельные фрагменты нараспев и наизусть. Родители надо мной потешались: «Сань, и далась тебе эти Лямминкяйнен, Вяйнямейнен...». Потом я внимательно изучал, хотя бы для начала по корешкам и иллюстрациям, тома библиотеки всемирной литературы. Среди них я особенно любил копаться в произведениях древней и средневековой литературы, там обнаружил эпическую

ирано-таджикскую поэму Фирдоуси «Шахнаме». В свои 10 лет я неоднократно с удовольствием перечитывал эту книгу. Конечно, я любил читать книжки про греко-римскую античность. Интересно, что в моем детстве мне негде было достать Библию. Библейские сюжеты я постигал по репродукциям в нескольких альбомах классической живописи из семейной библиотеки. В последнем классе школы, уже в Москве, удалось мне у соседей взять почитать Евангелие. Только будучи студентом МГУ, добрался, наконец, до Библии, и еще позже, на старших курсах университета прочитал Коран.

Школа в военном городке была неплохая, поэтому, когда я очутился в московской школе, обычной московской школе, среди новостроек Кунцево, а не в элитной спецшколе, то я обнаружил, что соответствующие образовательные уровни учителей и учеников в обеих школах примерно одинаковы. И там и там, в основном среднего и пожилого возраста учительницы (учителя мужчины преподавали лишь физкультуру, труд и начальную военную подготовку) старались достаточно добросовестно передавать знания ученикам. Конечно, среди этих учительниц попадались «добрые» и «злые», «скучные» и «интересные» педагоги, — как везде. В московской школе мне особо помнится Валентина Яковлевна Гукина учитель русского языка и литературы, наш классный руководитель. Она любила свой предмет и нас, — а чего еще ученикам нужно?

Моя психологическая особенность в детском и подростковом возрасте заключалась в повышенной мечтательности на разнообразные литературно исторические темы. Я часто грезил наяву (пик этого мечтательства пришелся на время от 9-ти до 11 лет) Однажды в Ковылкино я брел с бидончиком молока, которое мы покупали для маленькой сестры у знакомых, державших корову, и меня сбила телега с лошадьёю. Я плелся, о чем-то мечтая, телега плелась мне вослед, догнала, задела краем колеса и я полетел в придорожный кювет, облитый молоком. Помню — сижу в репьях, даже на ресницах молоко, солнце сквозь него радугой сияет, мужик с телеги озабоченно испуганно меня тормозит. Хорошо мечталось в Ковылкино. На уроках тоже размечтаюсь о чем-нибудь, классный руководитель меня тормозит — я все мимо ушей пропустил.

С другой стороны, я был не совсем «ботаник» — интроверт, например, я очень любил спортивные игры: футбол, хоккей, бадминтон. И в Мордовии и в Москве был у меня пусть небольшой, но свой круг друзей-одноклассников.

Учился в школе я всегда хорошо, но не на отлично. Средний бал в сумме по всем предметам выходил примерно на 4,5. Учеба давалась легко, но я ленился добиваться совершенства, предпочитая больше времени тратить на всякое чтение с мечтательством по его мотивам. К старшим классам окончательно обнаружилось и закрепилось мое увлечение гуманитарно-обществоведческими дисциплинами — историей, литературой, географией.

Не возникало ли одновременно желание выразить то, о чем мечталось, о чем размышляли, в стихах, прозе, в очерках, не задумывались ли Вы о занятиях филологией, журналистикой?

Нет, в школе таких желаний не возникало. Я много тогда читал, в том числе и стихов, некоторые из стихов заучивал для себя наизусть, но кроме стандартных школьных сочинений ничего особенного не писал.

В старших классах школы я скорее думал о занятиях географией, историей, экономикой — читать любил больше, чем писать. Интерес к филологии и журналистике у меня проснулся позже в университете-армии-университете.

Середина 1970-х, все хорошие ученики вступали в комсомол. Увлекала ли Вас общественная работа?

Я в школе шел по пути обычного октябрёнка-пионера-комсомольца, во-время, не раньше и не позже, вступая во все эти организации, принимая в них умеренно активное участие. Октябрёнком-пионером любил собирать металлолом. В старших классах мне нравилось готовить политинформации о международном положении, но ни к каким выборным должностям старост, комсоргов и прочих лидеров-активистов я не стремился. При моем тогдашнем мечтательно-созерцательном характере это была бы слишком обременительная обуза. В целом, говоря высоким штилем, будучи старшеклассником, я верил в идеалы социализма, хотя Леонид Брежнев и все его престарелое политбюро были предметом постоянных насмешек и для меня и для всего моего окружения в школе и дома. До сих пор, из подросткового детства помню и могу рассказать дюжину анекдотов про Брежнева и Ко. Глухо через семью, друзей, западные радиоголоса слышал про Солженицына и Сахарова. Эти имена среди окружавших меня близких людей произносились с уважением и опаской. Позже я осознал и узнал, что мои родители (работая на режимном предприятии, отец коммунист) что-то иногда приносили и читали из самиздата. Но мне этого читать не давали. И дома, и в школе, и среди родственников, и среди друзей велись разговоры о том, что партийная верхушка оторвалась от народа. Но вывод из всего этого следовал такой: хорошо было бы вернуться к ленинским идеалам социализма, чтобы слова не расходились с делами, и так далее.

Вот Потанин, который на год старше нас учился в моей же школе, он был комсомольский активист, с золотой медалью поступил в МГИМО. Сейчас олигарх известный. Он хорошо играл в дворовый футбол. Невысокий, но плотный и коренастый, ноги, как краб расставит, — его трудно было обыграть. Хотя и его обыгрывали, и ему забивали.

К моменту завершения школы у Вас сформировалось представление о профессии или не очень? Что было после получения «Аттестата зрелости»?

Я слышал тогда слово «социология», но это казалось что-то далекое. Социологических факультетов на рубеже 70-х — 80-х годов, кажется, у нас вообще не существовало... С другой стороны, на экономическом факультете МГУ, куда я ходил на день открытых дверей, казалось, преподавали не только экономику, но также историко-философские и историко-экономические дисциплины, которые меня, прежде всего, привлекали. Но как было поступить на этот факультет, один из самых престижных тогда в стране, с моими 4,5 балами неспецшколы? Выход был найден: я поступал и поступил на вечернее отделение экономического факультета МГУ и одновременно пошел работать на почтовый ящик, где имелась бронь от армии.

В университете я специализировался по политэкономии и истории экономики и экономических учений. В «почтовом ящике» работал оператором на громадных машинах типа ЕС ЭВМ. В это время я стал довольно ортодоксаль-

ным молодым человеком. На нашем в целом идеологическом факультете, например, в течение трех лет проводился спецсеминар по «Капиталу» Маркса. Один год спецсеминара посвящался изучению одного тома марксового труда. Я занимался всей этой схоластикой с большим воодушевлением. Под «схоластикой» я здесь понимаю, некий курс идеологическо-философской логики. Такая логика может быть, например, христианской, аристотелевской, гегелевской и так далее. При других историко-культурных обстоятельствах я, возможно, с таким же воодушевлением штудировал бы «Коран», а не «Капитал».

Вокруг меня и через меня протекали потоки повседневных советских несоответствий слов и дел, но с тем большим тщанием я стремился отыскать истоки идеальных соответствий в «сакральных» марксистко-ленинских текстах.

Моя ортодоксия в значительной степени оказалась прорвана на занятиях по диалектическому и историческому материализму. Мне очень повезло с преподавателями, читавшими у нас эти курсы. Диамат читал философ Сапунов, уже не помню его имени отчества. Занимался он с нами недолго. Мне кажется, его должны были отстранить от преподавания по идеологическим мотивам. Достаточно молодой длинноволосый человек декадентского типа, часто выпивший, он с университетской кафедры демонстрировал увлекательнейшие образцы спонтанной философской рефлексии, напоминавшие мне фортепьянные импровизации, спивающегося маэстро по мотивам мировой музыкальной (философской) классики. Сапунов в общении со студентами был добродушно рассеяно небрежным. Как-то по окончании очередного занятия кто-то из старательных студентов напомнил Сапунову, что он забыл дать задание на следующий семинар. «А... — не сразу отреагировал нетрезвый Сапунов, — почитайте этого дурака, как его... — Энгельса!». Это было очаровательно.

Но еще несравненно большее впечатление на меня оказали лекции и семинары по истмату Ермаковой Антонины Васильевны. Ермакова — шестидесятница в самом лучшем смысле этого слова закончившая в годы оттепели журфак МГУ, работавшая журналистом, а потом через несколько лет поступившая в аспирантуру экономического факультета МГУ и защитившая диссертацию по марксистской экономической методологии. Она на базе истмата фактически читала нам курс истории мировой социально-философской мысли. Вначале занятия Ермаково сжато и емко приводила ключевые положения и цитаты марксистских классиков, а потом увлекательно сопоставляла те или иные марксистские утверждения с постулатами других социально-философских систем, отнюдь не предрекая первенства марксистов перед другими древними и современными мыслителями. Именно на занятиях Ермаковой я впервые услышал десятки новых для меня интеллектуальных имен от Макса Вебера до Николая Федорова. А.В. Ермакова на долгие университетские годы стала моим первым и главным учителем.

На работе я находился в большом и интересном коллективе операторов ЭВМ и инженеров-программистов, там кроме, собственно занятости на вычислительных машинах надо было, конечно, и на овощные базы ездить и на картошку, участвовать во всякого рода общественных мероприятиях.

Однако нелегко было совмещать и работу на режимном предприятии, и учебу в университете. А больше хотелось наукой заниматься. По окончании четвертого года вечернего отделения я перевелся с потерей курса на четвертый год

обучения дневного отделения. Во время этого перехода я был призван в армию. Это был 1984 год – время одного из последних пиков холодной войны. СССР тогда сбил южнокорейский авиалайнер над Сахалином. Рейган разворачивал программу звездных войн. Так как на вечернем отделении в отличие от дневного отделения у меня не было военной кафедры, и не сдавал я по ней никаких зачетов и экзаменов, меня, хотя я уже приступил к учебе на дневном отделении, все-таки призвали в армию.

Я попал служить в войска ПРО, точнее даже в ПКО. Эти аббревиатуры означали особые подразделения в составе ПВО: противоракетная оборона и противоскопическая оборона.

Наша секретная воинская часть располагалась в подмосковных лесах, входя в кольцо противоракетной обороны Москвы. Она состояла из двух циклопических (достойных египетских пирамид) сооружений: громадного здания передатчика и еще более громадного здания приемника. Станция сканировала космическое небо в поисках спутников и ракет. В случае начала ядерной войны такие станции и советские и американские должны были первыми предупредить обе нации о надвигающихся на них вражеских лавинах баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков, а потом первыми сгореть от упреждающе ослепляющих ударов по самим же этим станциям.

Я служил в гигантском здании передатчика размером в несколько слепленных друг с другом атомных подводных лодок. Там внутри бесконечных коридоров, начиненных разнообразной аппаратурой, находилась и комната моего боевого расчета, состоявшего из командира-офицера и трех ему подчиненных солдат следящих по 12 часов за аппаратурой на боевом дежурстве.

В армии я обнаружил две особо интересных для себя обстоятельства. Во-первых, многонациональность и разнообразие характеров солдат нашей большой воинской части. В основном у нас служили русские, украинцы, белорусы, но также были армяне, грузины, чеченцы, дагестанцы и солдаты из среднеазиатских республик. Среди всех этих больших и малых этнических групп я наблюдал всякие интересные особенности национальной службы в армии. Кроме того, хотя я был постарше и пообразованней большинства окружавших меня солдат, но среди оказавшихся у меня армейских друзей я нашел несколько замечательных народных характеров, которые по своим нравственным качествам и оригинальности мышления произвели на меня неизгладимое впечатление. Такие мои друзья-солдаты (оба, кстати, украинцы) как Костя Филатов и Саша Парафейник во многом сами оказались моими учителями в солдатском быту и философском отношении к жизни. Они не учились в университете, но обладая природным здравым смыслом, юмористическими способностями и повседневной смекалкой, сами того не ведая, еще более убедили меня в ценностях народничества, которые я впитывал и впитываю в себя всю жизнь.

Еще должен упомянуть о моем чтении книг в армии. С одной стороны, у нас в воинской части была на удивление хорошая библиотека художественной литературы. С другой стороны, если сидишь на боевом дежурстве из месяца в месяц по 12 часов в сутки, а ничего из окружающей аппаратуры не ломается, то можно от скуки сдохнуть. Для борьбы со скукой на дежурство и солдаты, и офицеры провозили с собой книжки читать. Формально чтение на дежурстве было запрещено и по уставу приравнивалось к преступлению на боевом посту.

Но это по уставу, а в жизни под ремнем гимнастеров и в штанинах галифе мы провозили на дежурство книги, пряча их, таким образом, от проверявших нас дежурных офицеров. С другой стороны, много книг с собой так не провезешь. Поэтому книгу на дежурстве, особенно если она хорошая, читаешь бережно и медленно, торопиться некуда, служба длинная и новую книгу еще провезешь на дежурство с собой не сразу. Из всех библиотечно-армейских книг, которые я прочел, таким образом, на дежурстве, две я не просто прочитал, но проработал особо тщательно. Первая книга – повести и публицистика Андрея Платонова. Платонова я открыл для себя перед самой службой в армии, но именно в армии я систематически стал штудировать платоновские тексты. С этой армейской поры Андрей Платонов мой самый главный и любимый российский писатель XX века, так же, как Пушкин века XIX-го. А другая книга, над которой я особо тщательно поработал на боевом дежурстве, был университетский учебник-хрестоматия по правилам русского стихосложения ленинградского филолога профессора Холошевникова. Книга называлась очень по-советски «Мысль вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха», но, несмотря на такое почти партийное название, считаю, это был очень хороший учебник, по которому я прилежно постигал поэтические метрику, ритмику, строфику, интонацию на выдающихся примерах русского стихосложения от державинского «Снегиря» до гумилевского «Жирафа». Никогда на гражданке у меня не было столько времени и одиночества, сколько у меня его было в этой келье-тюрьме армейского дежурства для обучения грамоте поэтического ремесла. Так-то к окончанию службы я набил руку в стихах до такой степени, что мог в хорошем настроении настроичить оду 3-му взводу (я служил в 1-ом), стилизовав ее, например, под Михайло Ломоносова.

А если у вас на дежурстве под рукой нет книг, то пишите письма на гражданку. И вот, к окончанию службы я обнаружил через эволюцию моего армейского эпистолярного жанра (а мои адресаты это также подтвердили), что благодаря приобщению к тайнам платоновской прозы и российской поэзии стиль моего письма стал образным и увлекательным.

Осенью 1986-го года вернулся я из армии в университет, вокруг набирала силы перестройка. На нашем экономическом факультете задавали тон молодые ученые политэкономы А. Аузан, А. Бузгалин, А. Колганов, Я. Кузьминов. Сейчас это все ведущие ученые и общественные деятели в своих интеллектуально-идеологических направлениях. Я писал свою дипломную работу о сравнение экономики российской общины с общинными экономиками других стран под руководством замечательного специалиста по исследованию докапиталистических экономических формаций Нуреева Рустема Махмутовича.

Окончив университет в 1988-м году с дипломом «Преподаватель политической экономии, экономист» я стал искать работу по специальности. А тут, как раз, недавно назначенный директором Института Экономики СССР, Леонид Иванович Абалкин провел беспрецедентно большой набор на работу молодых экономистов выпускников вузов. Я попал в их числе в сектор Истории народного хозяйства и экономической мысли ИЭ СССР сначала стажером, а потом младшим научным сотрудником. Вокруг бушевала перестройка с публикацией

старых и новых художественных и политических произведений, демонстрацией замечательных выставок, спектаклей, фильмов, проведением разнообразных общественных мероприятий...

Во-во, сначала, пожалуйста, о том, что бушевало вокруг, как это все воспринималось, какие надежды порождало?

Интересно, что для меня тогда, вокруг, прежде всего, яркими красками забушевала интеллектуально-эстетическая жизнь. Я сейчас поймал себя на мысли, что неважно – тускло помню бушевание политической жизни перестройки. Странно, получается, политическая жизнь перестройки была тогда для меня менее интересной, чем сейчас. Честное слово я сейчас больше думаю и переживаю, о том, что произошло в 1991-м, почему распался СССР, чем во время самой перестройки. С точки зрения политического самосознания в конце 1980-х – начале 1990-х, кажется, все для меня было как в тумане. Страна распадалась, а я в это время чем занимался?... – Читал запоем, то, что раньше было, невозможно, или очень трудно достать почитать: Платонова, Пастернака, Мандельштама; Шаламова, Бердяева и других российских религиозных философов; а также разных западных интеллектуалов, которых в перестройку много стали переводить, конечно, разные художественные произведения эмигрантской литературы и разных поколений: Набоков и Газданов, Солженицын и Лимонов.

И, безусловно, на меня неизгладимое впечатление произвели великолепные выставки российских художников первой половины XX века, организованные в период перестройки: Шагал в Пушкинском музее; Лентулов, Малевич, Кандинский на Крымском валу. Да, в моем сознании при слове «перестройка», прежде всего, всплывают ярчайшие картины русского авангарда.

Нет, я не был аполитичен, я достаточно внимательно следил за перипетиями партийных и общественных форумов, читал с любопытством различную публицистику прорабов перестройки. Тогда наука социология у меня стала, прежде всего, ассоциироваться с образами Заславской и Левады, появившимися на телевидении. Я, конечно, интересовался аналитическими результатами ВЦИОМа.

В целом, я полагаю, разбирался достаточно здраво в раскладе политического противостояния меж командами Горбачева и Ельцина, хотя непосредственно в митингах и каких-либо политических мероприятиях ни на чьей стороне участия не принимал.

И все же, какой тусклой представляется мне политическая жизнь перестройки в сравнении с ее культурной жизнью!?

Теперь о секторе, в который Вы поступили работать? Какие цели преследовались его созданием? Кто возглавил эту работу? Был ли у Вас опыт историко-экономических исследований?

Сектор «Истории народного хозяйства и экономических учений» возглавляла тогда д.э.н. Надежда Константиновна Фигуровская. Я бы не сказал, что Надежда Константиновна была крупный ученый, но она была человек, безусловно, влюбленный в российскую социально-экономическую историю. Ее специализация была история аграрной мысли первой половины XX века, а также история российской кооперации. Фигуровская в перестройку с воодушевле-

нием организовывал переиздание сочинений реабилитированных экономистов 1920–1930-х годов, прежде всего, работ А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева. А я тогда младший научный сотрудник занимался в секторе Фигуровской в основном так называемой научно-вспомогательной работой – писал комментарии и составлял библиографию к переиздаваемым книгам репрессированных экономистов-классиков. Мне это было интересно и, безусловно, такая формально «черновая» работа очень полезна для формирования профессиональных академических навыков. Тогда же я впервые столкнулся с проблемами нравственно-идеологических конфликтов в научной среде.

Фигуровская была автором двух монографий об ученых-аграрниках – марксистах и немарксистах 1920–1930-х годов, опубликованных, соответственно, в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В этих монографиях ею был собран добротный историко-эмпирический материал, но аналитическо-теоретическое осмысление этого материала было достаточно стандартным, написанным по идеологическим канонам языка застоя. То есть там периодически поминалось, что вот всякие буржуазные и мелкобуржуазные экономисты, включая Чаянова и Кондратьева, чего-то там недопоняли, не то и не так исследовали.

И вот в самый разгар перестройки, когда Надежда Константиновна занялась усердным переизданием Чаянова, Кондратьева и их коллег, в газете «Комсомольская правда» появилась иронично сердитая статья (имя автора этой статьи не помню) про ученых типа Фигуровской, которые в годы застоя ругали буржуазных экономистов, а теперь перестроились – публикуют их наследие, всячески его восхваляя. Бедная Надежда Константиновна, помню, стоит у окна нашего сектора и в расстройстве чувств самооправдывается: «Да, вообще, я не верила, что при моей жизни их реабилитируют, если бы я знала, что доживу, когда их реабилитируют, то я бы и ничего бы совсем про них не писала... Но ведь я, с другой стороны, все-таки вводила в научный оборот их имена, их работы...».

Инициатором этой критики Фигуровской был Василий Александрович Чаянов (сын А. В. Чаянова), человек по характеру довольно сердитый, конфликтный. До перестройки Василий Чаянов и Надежда Фигуровская были знакомы, между ними были нормальные отношения. Фигуровская расспрашивала сына об отце, собирая исторические о нем свидетельства. А вот в перестройку накопившаяся обида Чаянова младшего за униженность существования сына «знаменитого аграрника-вредителя Чаянова» прорвалась в ругани в адрес «приспособленца» Фигуровской.

Фигуровская, между прочим, была научным руководителем моей кандидатской диссертации. Но она ей вовсе не руководила, то есть она согласилась с темой, которую я придумал, и с названием диссертации «Организационно-производственный неоромантизм А. В. Чаянова», а дальше предоставила мне возможность писать все так, как я считал нужным, не вмешиваясь никоим образом в мою работу. И это было хорошо. Диссертацию я успешно защитил в январе 1993 года. Хотя уже в 1990-м году я был переведен из сектора «Истории народного хозяйства и экономической мысли» в отдел «Политической экономии», которым руководил Л. В. Никифоров в сектор «сельскохозяйственной кооперации» Т. Е. Кузнецовой.

Лев Васильевич Никифоров и Тамара Евгеньевна Кузнецова замечательные люди и ученые, – ученики легендарного аграрника В. Г. Венжера и младшие коллеги Т. И. Заславской (все вместе они работали в начале 1960-х годов в ИЭ СССР). Никифоров и Кузнецова оказались для меня бесценными учителями. С Кузнецовой я ездил в мои первые аграрные исследования в 1990 – 1992 годах в Костромскую, Вологодскую область, а также республики Северного Кавказа.

Из-за повседневных хаотических забот академического института я все откладывал завершение моей кандидатской диссертации. И вот весной 1992 года меня вызвала к себе Кузнецова и сказала: «Саша, наступает лето, идите и заканчивайте диссертацию, без диссертации в институт не возвращайтесь. Освобождаю Вас от всех работ по институту». Я выполнил тогда задание мною уважаемого руководителя – за лето завершил диссертацию.

Тогда же в 1992-м году я познакомился поближе на паре научных семинаров с Теодором Шаниным. Во время беседы с Теодором о наследии Чайнова, он упомянул, что в следующем году собирается открывать новую научно-исследовательскую организацию: Интерцентр (Междисциплинарный академический центр социальных наук) и предложил мне поработать в Интерцентре его ассистентом по науке, кроме того, в это время в самом разгаре находился шанинский крестьяноведческий российско-британский проект «Социальная структура российского села», основанный на долговременной полевой исследовательской работе в российских селах, и Шанин предложил мне также поучаствовать в этом проекте в качестве полевика-исследователя. Все это мне было, конечно, чрезвычайно интересно и весной 1993 года я перешел из Института Экономики работать в только что открывшийся Интерцентр.

Как такое случилось, что молодой экономист, окончивший МГУ, в начале 1990-х пошел работать в не создававшиеся крупные финансовые структуры (банки, биржи, иностранные фирмы), а сосредоточился на историко-экономических исследованиях? Чем они Вас привлекли?

Я всегда стремился и стремлюсь заниматься тем, чем мне интересно (правда, не всегда это удавалось и удается). А финансовые структуры мне неинтересны. Экономика меня скорее интересовала и интересует с точки зрения ее натурально-хозяйственной, материально-вещественной сущности. В этом отношении Чайнов чрезвычайно интересен, он стремился создать экономическую теорию, объясняющую: как в сложном конгломерате сосуществуют с системой капитализма иные экономические миры, например, семья, государство, кооперация и так далее не только в финансовых, но и в натуральных взаимосвязях. Постоянную трансформацию этого конгломерата не поймешь без истории. Классики марксизма были правы, когда в своих еще юношеских сочинениях утверждали: «Мы знаем лишь одну науку – науку истории». Я одно время мучился с моей академической идентичностью: по своему первому образованию я экономист, по второму – социолог, приходилось мне в различных междисциплинарных проектах вникать и в другие гуманитарные дисциплины, но в глубинной сущности моей я, себя ощущаю, прежде всего, историком.

Это мне очень интересно. Прежде чем задать следующий вопрос, узнаю: «Творчество еще каких экономистов Вы изучали?» Есть статьи, книги?

Мой основной интерес был сосредоточен на изучении экономистов 1920–1930-х годов. (Вообще, как историк, я больше всего заморожен периодом 1920–1930-х годов. На мой взгляд, это самое ужасное и самое героическое время во всей жизни человечества. Эрик Хобсбаум точно назвал это время: эпоха катастроф. Я люблю и ненавижу это время. Еще по духу времени и его эстетике мне чрезвычайно дороги 1950–1960-е годы, — это в XX-м веке. А в XIX веке мне ближе всего пушкинская эпоха — 1820–1830-е годы).

Но, об изучавшихся мною экономистах. Это, прежде всего, коллеги Чайнова, профессора так называемой организационно-производственной школы: А. Челинцев, Н. Макаров, Г. Студенский, А. Рыбников, А. Минин, а также кооператор А. Евдокимов. Кроме того, экономисты-либералы и экономисты-марксисты. Среди либералов: Л. Литошенко и Л. Юровский. Среди марксистов: Н. Бухарин, Н. Осинский, М. Кубанин и аграрники-марксисты. Также занимался изучением российских эмигрантов — экономистов: Ф. Щербина, А. Билимович, Н. Ясный, а также социологов: С. Маслов и П. Сорокин. Фактически избранные очерки, некоторым из этих экономистов посвященные, вошли в мою книжку «Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему». Остальные историко-экономические публикации в виде отдельных статей разбросаны по журналам и книгам, что-то из этого висит в интернете. Отдельно надо упомянуть, написанную мной в соавторстве с Л. Никофоровым, Т. Кузнецовой, Д. Рогозиным и А. Соболевым брошюру: «Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья». Из экономистов (скорее интеллектуалов социально-экономического направления) XIX века были у меня статьи о В. Одоевском, А. Васильчикове, П. Кропоткине.

Между прочим, если говорить о книгах, взялся я лет десять назад писать книгу еще об одном экономисте, во всех науках толк познавшем. Книга должна была называться «Аграрник Сталин». Работал я несколько лет с мучительным увлечением над этой темой. А куски этого моего замысла публиковал в отдельных статьях о сталинизме, и рецензиях на книги о Сталине. Потом выдохся, другие проекты, пошли, и главное устал я смертельно от этого гениально кровавого маньяка. Знаете, над Сталиным работать, что кусок урана в руках держать — очень вредно для здоровья... Думаю, может все тексты, что про Сталина написал в отдельную брошюру печатных листов на 10 собрать, но пока сил нет.

Еще один из отдельных сюжетов, тоже напрашивавшийся в написание отдельной книги и оставшийся лишь в нескольких моих статьях и рецензиях: «История сотрудничества и соперничества советских и американских аграрников в XX веке». Но, чтобы действительно тут добротную книгу написать надо хотя бы на год в Штаты съездить — поработать с американско-советскими материалами.

Очень мне интересны идейные искания советских обществоведов шестидесятников, не только социологов, но также экономистов и географов. Собрал я по этой теме кое-какие материалы, но мало пока тут чего-либо написал.

Я не знал марксистского положения об уникальности истории среди других наук, но во многом с ним согласен, если иметь в виду общественные науки. Похоже, к истории Вы прикипели в детстве, экономика — стала Вашей профессией, а через Платонова Вы вошли в 1920–1930-е; его философия времени и стиль письма вполне могли этому способствовать. Возможно отсюда и возникла Ваша замороженность указанным периодом развития российской экономики.

Да и сам по себе этот этап интересен, вспомним, в первые годы перестройки советские экономисты, обращаясь «к Ильичу», через НЭП поддерживали горбачевские начинания. Каков же «сухой остаток» от изучения Вами работ перечисленных ученых?

Да, пожалуй, Вы правы, когда простроили мою личностную эволюцию как: история — экономика — Платонов — 1920—1930-е... — остаток — Альтернативы! Я думаю, что наиболее честные, ответственные, профессиональные люди 1920—1930-х годов искали гуманистические альтернативы своему «веку катастроф». Чайнов с коллегами искали альтернативы, Платонов искал альтернативы. Борьба за альтернативы свободного многовариантного развития человечества, — вот послание, идущее к нам из 1920—1930-х годов.

Я люблю фильмы и стиль мышления режиссера Алексея Германа. В его автобиографических размышлениях, изданных незадолго до его смерти, есть такое утверждение (воспроизвожу по памяти): «В России произошла революция, как много было тогда интересных идей, надежд и планов. А потом пришел маленький грузин и всех убил».

Перестройка это была тоже битва за альтернативы, непоследовательная, наивная. Я помню, когда познакомился с Шаниным, он поражался, как могли интеллектуалы-демократы издать свой замечательный сборник с таким фаталистически авторитарным названием «Иного не дано!». Шанин тогда даже критическую заметку написал (в «Коммунист» или «Вопросы философии» или «Знание — Сила» — не помню) — заметку под названием «Иное всегда дано!».

С точки зрения науки экономики я сторонник ее многовариантной альтернативной жизни. Вы можете ее называть многоукладной как в 1920-е или смешанной как это было в перестройку. Но чем больше в экономике сочетается самых различных институциональных форм со своими траекториями развития, тем лучше. Тут главная задача экономической политики — поиск оптимальных сочетаний развития между всеми этими укладами. Чем более экономика стремится к однообразию (быть только социалистической или только капиталистической), тем больше в ней и в самой жизни возрастает опасность авторитаризма «большого брата» манипулирующего людьми.

Справедливо-ли говорить о существовании каких-либо школ, направлений в истории экономических учений? Если таковые существуют, обозначьте специфику двух-трех исследовательских линий.

О, ну, это огромная тема, на которую, как и по поводу школ в социологии, можно рассуждать бесконечно долго. Это, прежде всего, хронологическая рефлексия самой политической экономии: меркантилизм, физиократизм, классическая политическая экономия, социалистические учения, кейнсианство, неоклассика, новый институционализм... Можно рассматривать направления истории экономических учений исходя из политических ориентиров: история экономической мысли либеральная, социалистическая, анархистская, консервативная, народническая (популистская)... и так далее.

Отлично, как бы Вы описали методологию своих исследований? В частности, как, на основании каких соображений, критериев Вы выбираете героев (а их уже немало) своих разработок?

Я как-то присутствовал на лекции классика советологии Моше Левина, написавшего несколько замечательных книг по аграрной и политической истории СССР. Его спросили: какова методология ваших исследований. Левин моментально и весело отпарировал: «Эклектика!» Мне понравился его смелый и насмешливый ответ. Размышляя над методологией и методологиями различных социальных исследований, я убедился, что по большому счету все чего-либо стоящие методологии, во-первых, эклектичны, во-вторых, глубоко индивидуальны. И прав Чарлз Райт Миллс, утверждавший, что каждый настоящий социальный ученый должен изобретать свою собственную методологию. Это потом эпигоны того или иного крупного ученого займутся «методоложничеством» — экстатической борьбой за методологическую чистоту своего направления — занятием довольно бесплодным и почти всегда агрессивным горделивым. Уж, на что немцы в науке методологии «собаку съели», но именно в их академической среде возникло это ироничное утверждение: «Человек не способный ни на что путное занимается методологией». Действительно, если ты такой крутой методолог — покажи класс — проведи по-настоящему оригинальное и плодотворное эмпирическое исследование!..

Что касается меня, то на мою личностно-эклектическую методологию оказали воздействие гуманистический марксизм, земские эмпирические и теоретические исследования — в особенности школа Чаянов (о, Чаянов потрясающий эклектик!), работы Вебера, Витгенштейна, феноменология А. Шюца, историческая школа Анналов (в особенности исследования М. Блока и Ф. Броделя), а также личное общение с В. Ядовым, Т. Шаниным и Дж. Скоттом.

О выборе героев, а также соответственно тем исследований. Изначально в основе моих исследований, как правило, находится вопрос: а как такое возможно? Вопрос удивления перед личностью, ее трудами, ее судьбой. Да, стремление увидеть и проанализировать нечто изначально удивительное в объекте вашего исследования — в личности человека или в истории малого сообщества — это мое главное занятие. «Особенные личности» (как интеллектуалы, так и простецы), а также «малые сообщества» — вот главные объекты моего исследовательского интереса. Что касается методологии исследования этих объектов, не сразу, я изначально это лишь интуитивно ощущал, позже стал осознавать и аналитически разрабатывать проблематику сюжета. Понимаете, в жизни человека и малого сообщества есть какой-то особый внутренний сюжет, — не в литературном смысле, сочиненный Толстым или Окуджавой, нет — в смысле достаточно объективном, творящемся в симбиозе взаимодействия внешнего окружения личности и сообщества с их внутренними замыслами и волеизъявлениями. Многоплановая аналитическая реконструкция этих сюжетов, с акцентом на возможных сюжетных альтернативах — моя главная исследовательская и методологическая забота.

Саша, Ваши командировки тормознули развитие нашей беседы, иногда это надо. Мне очень хотелось бы знать цели, задачи исследования, в рамках которого Вы совершали эти и, наверное, другие поездки. И такой вопрос я задам. Но прежде всего, не могли бы Вы описать виденное и пережитое (от виденного) как этнограф. Вы побывали в крупных, малых городах, в сельской местности. Вы сидели за рулем, каковы дороги и дорожная инфраструктура? Что можно сказать о магазинах, рынках, пришлось ли Вам быть у врачей, заходить в аптеки? Предполагала ли Ваша поездка общение с людьми из разных социальных групп? Каково Ваше общее

представление о жизни людей далеко за Садовым кольцом»?

Действительно полевых исследовательских проектов было достаточно (десятка три). И в этом году я для себя отмечаю 25-летие моих личных полевых исследований (начиная от коротких сельских командировок Института Экономики АН СССР).

Как «этнограф»... (В России сейчас все больше переходят на американо-международное «как этнолог»)... Конечно, все это было: города, села, дороги, магазины, рынки, больницы, разные социальные группы, а также местные органы власти, школы, библиотеки, фермы, домохозяйства... — и много еще есть всяких социальных институтов и страт российской провинции. Мои рассказы, веселые и грустные, о личных впечатлениях от дорог и людей российской глубинки могли бы растянуться на несколько месяцев. Часть этих многообразных впечатлений отражена в некоторых моих социологических очерках.

Но мне бы хотелось вернуться к Вашему предыдущему вопросу о методологии. Я уже упоминал, что как-то мучился, со своей идентичностью. Кто я: экономист, социолог, историк? Но я никогда не считал себя этнологом, при всем моем уважении к этой замечательной профессии и коллегам-этнологам, которых я читал или знаю лично, хотя я много работал и продолжаю работать именно этнографическими методами.

Причина этого заключается в том, что в моем понимании и ощущении этнолог (да простят меня коллеги-этологи за такую самодельную точку зрения) это, прежде всего, исследователь локального места. В этом смысле, простите за каламбур, этнолога правильнее было бы называть этнолог — исследователь этнолокальности. Именно в этом заключается уникальность профессии этнолога в сравнении с другими гуманитарными профессиями. Но в моей персональной этнологии именно социолог (в особенности исторический социолог) первенствовал, прежде всего. То есть я изучал и изучаю ту или иную локальность только для того, чтобы сравнивать отдельно изученные мной локальности с другими, мной и не мной изученными локальностями, генерализировать, обобщать, типизировать их, находить меж ними общими закономерности, — это скорее даже работа культургеографа. Вы знаете, у американских этнологов есть самокритичная шутка об их типичных дискуссионных конфликтах: «твоя деревня — не моя деревня». У одного вышло такое личностное этнолокальное описание, а у другого — другое, порой противоположное. И оба правы, ведь каждый из исследователей открывал и подчеркивал уникальность именно своей деревни, прежде всего, с точки зрения своей персональной оптики. Мой лозунг: «твоя деревня — моя деревня» — прежде всего, давай искать, что есть общего меж нашими деревнями, но это уже не этнологическая, а именно социологическая точка зрения.

Так вот с точки зрения такой моей регионально-локальной социологии я люблю вспоминать подслушанный Андреем Платоновым в вагоне времен Великой отечественной войны разговор двух беженцев: «Ты куда бежишь? — На Восток. — А я на Юг. — Впрочем, зачем и куда бежать... СССР везде одинаков». Конечно, и советская Россия и пост-советская Россия есть вместилище разнообразнейших культурных ландшафтов, сильно дифференцированных: «богатая» Кубань, «бедное» Поморье, «дикий» Дальний Восток, «бескрайняя» Сибирь,

«культурное» Подмосковье, «депрессивное» Нечерноземье и так далее... Но, Боже мой! Как же схожи, типичны повседневные социальные проблемы и повседневные практики жизни населения провинциальной России.

Несколько лет назад мы вместе с Теодором Шаниным выдвинули концепцию так называемой «Второй России». Россия первая — это Россия высших эшелонов элиты и слоев, обслуживающих ее интересы, сконцентрированная в столицах, а «Вторая Россия» — это остальное население (в основном провинциальное), не имеющее отношения к контролю и перераспределению доходов от потоков российских природных ресурсов. Разница в доходах и образе жизни меж ними огромна. Жизнь российских элит — в центре внимания масс-медиа, жизнь остальной части населения — иногда тоже попадает в центр аналитического внимания, но, наш взгляд, недостаточно. Мы провели конференцию посвященную феномену «Второй России», по результатам работы конференции выпустили научно-публицистический сборник «Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация».

Потом, занявшись международными сравнениями, я обнаружил, что феномен «второй страны» в собственной стране был характерен фактически для всех стран, где произошла резкая дифференциация в богатстве и культуре между центром и периферией. Оказывается, еще Оноре де Бальзак писал о «второй Франции» первой половины XIX века: «Чтобы увидеть «индейцев» Фенимора Купера, вам не надо отправляться в Америку, вы найдете их множество во французских провинциях среди французских крестьян». Э. Шумахер в сборнике «Прекрасное в малом» писал о феномене «второй страны» в большинстве стран «третьего мира». Итак, пост-советская Россия теперь обладает также собственной и значительной «Второй Россией», которая опять же внутри себя разнообразна, подобно разнообразным индейским племенам времен Фенимора Купера, и, несмотря на все свое этнографическое «индейское» разнообразие, «Второй России» присущи всеобщие «индейские» характеристики, которые меня чрезвычайно интересуют.

Из сказанного Вами и из ознакомления с материалами названного Вами сборника концепция «Второй России» представляется мне весь интересной и перспективной. Но почти сразу возникает вопрос о гомогенности «Второй России», не требуется ли ее расслоение. Конечно, не до уровня деревни, но все же...

Аналитическая пара «Первая Россия» — «Вторая Россия» это не столько научная концепция, сколько политико-идеологическая метафора глубокого раскола, фундаментального расслоения общества на центрально-федеральные и периферийно-локальные социальные слои и территории России. Это вопрос-вызов: сколько можно самолюбоваться отдельными роскошными достижениями «первой России» в Москве, Петербурге, Сочи, в некоторых других крупных городах, отворачиваясь от анемичного и депрессивного состояния остальной, подавляющей части социальных пространств «второй России»?

Эта аналитическая пара, если хотите, — грубая эпистемологическая карикатура, но вполне объективная, в ней представители и «первой» и «второй» России легко узнают себя.

Внутри самой себя «Вторая Россия», конечно, потрясающе разнообразна социально-экономически, этнически, религиозно и культурно. Я пока не берусь реконструировать и систематизировать это замечательное разнообразие в целом, а также динамику его развития, хотя в перспективе ставлю для себя эту чрезвычайно трудную и увлекательную задачу. На отдельных кейсах «Второй России» я стремился и стремлюсь исследовать траектории трансформации некоторых малых провинциальных сообществ России, выделить внутри них отдельные социальные группы, особенности их взаимодействия меж собой.

Каковы повседневные социальные проблемы и практики жизни населения провинциальной России?

Все эти социальные проблемы хорошо известны. Ну, например, ЖКХ – раздолбанная, убогая инженерно-социальная инфраструктура дорог, водопроводов, отопления, канализации российской провинции. Мой коллега историк Игорь Кузнецов очень точно подметил, что для России начала XXI века ЖКХ-ашный вопрос такой же болезненный как для России начала XX века вопрос аграрный. Именно из таких вопросов вызревают взрывы социального возмущения.

Вопрос образования. В России стремительно происходит расслоения образования.

Сильные школы для «Первой России», слабые – для «Второй». Хотя, надо признать, что родители «Второй России» идут на огромные жертвы, для того чтобы их дети могли достойно учиться.

Вопросы трудовой занятости. В провинции просят: дайте работу, создайте рабочие места! Увы, с работой и занятостью в провинции туго, в результате массовая миграция населения из сел и малых городов в большие города и столицы.

Практики провинциальной жизни – виртуозные комбинации доходов домохозяйств от работы членов их семейств в государственном, частном, неформальном секторах, а также ЛПХ (личных подсобных хозяйствах).

Есть ли отличие в отношении к событиям в Украине «Второй России» от отношения «России первой»?

Нет отличий. Воинствующий национализм в любой стране ведет к единству богатых и бедных, фаворитов и неудачников. Провинция в значительной степени находится под воздействием теленовостей федеральных российских телеканалов. «Вторая Россия» искренне радуется присоединению Крыма и верит, что Владимир Владимирович Путин разберется как надо и с Украиной и с Западом, зловредно обижающих Россию-матушку.

Не могу не откликнуться на обсуждаемую в последние полторы-две недели в России (и не только) тему запрета ввоза в страну многих видов продуктов питания. В какой мере сама «Вторая Россия» зависит от этого вида товаров и способна ли страна в ближайшие год-два обеспечить себя качественными (экологичными) мясомолочными продуктами, рыбой, овощами, фруктами и прочим?

Слухи об аграрной мощи России сильно преувеличены. Сельская Россия страдает от многих внутренне неразрешенных конфликтов пост-советских аграрных реформ. Наряду с рядом элитных, сильных аграрных предприятий в России существует масса слабых хозяйств, которые страдают не столько от иностранной конкуренции, сколько от невнятной российской аграрной политики в земельном

законодательстве, кредитовании, рыночной конъюнктуре. Кроме того, за годы пост-советских реформ оказался сильно подорванным технический и профессиональный потенциал российского сельского хозяйства. Если страны Запада в ответ на российские санкции введут эмбарго на поставки современной сельхозтехники, семенного материала, то у сельской России будет много проблем. В пост-советской России в значительной степени загублены собственное сельхозмашиностроение, собственная селекционная работа с растениями и животными. Почти все необходимое для поддержания и повышения производительности труда в российском сельском хозяйстве (высокопроизводительные машины и оборудование, элитные семена, породистый скот) приобреталось в последние 10 лет за рубежом. Российские инженерно-аграрные производства и сельскохозяйственные науки впадают в жалкое существование. И главная проблема — из сел в города разбежались многие квалифицированные сельские кадры. Я скептически отношусь к нынешней официальной эйфории, утверждающей, что поставив барьеры западному продовольственному импорту, Россия быстро обеспечит себя и мир высококачественным продовольствием. Конечно, в России не будет голода, но при нынешней внутренне противоречивой аграрной политике, не будет и аграрного процветания, а цены на продукты питания, в целом, возрастут. «Вторая Россия» во многом будет обеспечивать свою продовольственную безопасность, как обычно, на основе своих личных подсобных хозяйств.

Хочу временно тормознуть рассмотрение Вашей жизненной траектории и Ваших исследовательских направлений и просить Вас рассказать о профессоре Теодоре Шанине как ученом, учителе и гражданине. По-моему, трудно переоценить роль, значение сделанного этим человеком для российской науки за постперестроечные годы. Шанин — историческая личность.

Теодор заслуженно популярная личность в интеллектуальной среде России. Его биография, — мальчика из буржуазной литовской семьи, ссыльного подростка в советской Сибири и Средней Азии, борца за независимость Израиля, английского профессора — обществоведа, ректора российско-британского университета, президента Междисциплинарного академического центра социальных наук, «Интерцентр», — это своеобразная личностная энциклопедия всемирной и российской истории XX — XXI века. Шанин — многолик и многообразен.

Постараюсь сжато и емко охарактеризовать «моего» Шанина. Я впервые увидел Шанина в 1991-м году на одном из семинаров по истории сельского развития России. Теодор произвел на меня огромное впечатление манерой своего выступления, одновременно логичной и эмоциональной. Когда в начале 1990-х годов Теодор создавал «Интерцентр» и Московскую Высшую Школу Социальных и Экономических Наук — Российско-Британский исследовательский университет, он предложил мне стать его ассистентом по науке и одновременно принимать участие в его крестьяноведческих исследовательских проектах. Далее под руководством со-президентов «Интерцентра» Шанина и Заславской я несколько лет был директором «Интерцентра», а также читал и продолжаю читать некоторые курсы в МВШСЭН (Шанинке). Фактически из Шанинско-Даниловского Центра крестьяноведения и аграрных реформ МВШСЭН вырос Центр аграрных исследований РАНХиГС, работой которого я руковожу сегодня. Шанин один из моих самых дорогих учителей и друзей.

Работа под руководством Шанина оказалась для меня чрезвычайно полезной школой. Я увидел, как в своей личности Шанин объединял эффективного администратора, настоящего ученого и замечательного педагога. А ведь, как правило, в академическом мире, эти три качества редко найдешь гармонично и мощно сплавленными. Кто-то из нас — научных работников, прежде всего, полезный бюрократ, исследования и лекции, которого менее впечатляют, чем его административно-хозяйственные свершения. Кто-то — потрясающий исследователь, но человек часто не от мира сего, беспомощный в любых административных начинаниях и странный в своей педагогической деятельности. Кто-то — блистательный лектор-педагог, но скорее популяризатор науки, чем действительно оригинальный ученый или администратор. Повторюсь, пожалуй, впервые в своей жизни, в личности Шанина я увидел как эти три академические добродетели: исследование, педагогика, администрирование, — могут чрезвычайно плодотворно (почти без внутренних противоречий) сосуществовать в одном и том же ученом.

Шанин как ученый создал ряд оригинальных междисциплинарных исследований в области исторической, аграрной, экономической и политической социологии, социологии знания. Его работы по истории российского крестьянства, по эволюции политической и экономической системы России и СССР являются международной и российской социологической классикой. В 1990-е годы своими долговременными полевыми социологическими проектами «Социальная структура Советского / Российского Села», (1990–1993) «Реальная / неформальная экономика сельской России» (1995/1996) он фактически создал научную и организационную культуру междисциплинарных количественно-качественных полевых социологических исследований и исследователей.

Шанин как организатор науки стал настоящим мостом взаимопродуктивного сотрудничества и познания между академической наукой Запада и России. Благодаря его неутомимой энергии, прежде всего, через «Интерцентр» и симпозиум «Пути России» многие ученые России и Запада получили возможность для взаимного плодотворного диалога, обучения и сотрудничества в самых разнообразных международных проектах, программах, институтах.

Шанин — педагог создал Шанинку, пост-дипломный университет МВШСЭН, объединивший в себе лучшие педагогические и исследовательские традиции России и Англии. Выпускники этого университета сейчас задают тон во многих направлениях современной научной, общественной и культурной жизни России. В конце концов, найдите в интернете выложенные лекции и выступления самого Теодора, вы увидите какой это замечательный лектор и оратор.

Хотя больше всего я сотрудничал и сотрудничаю с Шаниным в области аграрной социологии, мне бы хотелось особо подчеркнуть значение Шанина как исследователя социологии знания. Одно время Шанин даже читал в МВШСЭН курс «Социология знания». Когда я слушал этот курс, на меня одно из сильных впечатлений произвело рассмотрением Шаниным природы ошибок познания: отчего и почему мы ошибаемся, что такое ошибка, как она возможна? На одном из административных совещаний МВШСЭН во время рассмотрения одного сложного и уже, не помню, какого именно конкретного вопроса, вокруг которого было много споров, председательствовавший Шанин миролюбиво напом-

нил собравшимся: «Коллеги, мы должны помнить, что любое решение, которое мы с вами примем, будет все же в некоторой степени ошибочно». А вот шанинское мнение о причинах распада СССР: «Поздний СССР боялся совершить ошибку, тянул время в нерешительном бездействии, в результате распался...». В кабинете на столе у Теодора стоит бюст Дон-Кихота, здесь же висит картина «Дон-Кихот и Санчо Панса». Шанину дорог образ Дон-Кихот благородного и бесстрашного борца со злом, который совершал и нелепые ошибки, — образ для романтического воодушевления и реалистичной самокритики.

Что это за институция — Центр аграрных исследований РАНХиГС? Какого характера исследования вы проводите? Какого типа советы или рекомендации — вырабатываете? Можно ли вообще решить те проблемы «Второй России», которые Вы вчерне обозначили выше?

Центр был создан в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в 2011-м году. РАНХиГС является одним из обширнейших образовательных и исследовательских учреждений России, занимающимся подготовкой кадров государственных и муниципальных служащих, исследованиями и выработкой рекомендаций в области экономической и социальной государственной политики.

Наша исследовательская команда пришла в РАНХиГС с основательным опытом работы в Центре Крестьяноведения (Интерцентр, МВШСЭН) научные традиции которого были сформированы Т. Шаниным, В. П. Даниловым, Т. И. Заславской, чьи исследования всегда несли в себе фундаментальную академическую междисциплинарность.

Я никогда не забуду, как отправляя меня в одно из полевых аграрных исследований, в котором сочетались количественные и качественные методы изучения реальной экономики колхозов, бюджетов домашних хозяйств, местных сельских политических структур, Шанин меня напутствовал такими словами: «Из поля ты должен вернуться не просто с описанием колхоза, бюджетными данными, анализом местной политической жизни... ты должен воссоздать и реконструировать саму реальность, привези мне реальность».

Реальность! Ничего себе пожелание. Это как предложение из русской народной сказки: «иди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Тем не менее, именно когда ты с такой задачей идешь в поле, тогда-то и возвращаешься из него с чем-то действительно существенным. Для изучения и реконструкции такого рода реальности наш Центр проводит междисциплинарные и компаративистские аграрные исследования в России и за рубежом, сочетая фундаментальные (академические) и прикладные (политика/бизнес) исследования, а также исследовательскую и образовательную деятельность.

Сотрудники Центра представляют собой междисциплинарную команду экономистов и социологов, историков и географов. Наши исследования проводятся как количественными, так и качественными методами, с выездом сотрудников Центра в полевые исследования в сельские регионы Европейского Севера, Нечерноземья, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока. Итогом нашей работы являются как официальные отчетные доклады в рамках госзаданий НИР, так и публикации в академических и научно-популярных журналах, а также в ежегоднике нашего Центра: «Крестьяноведение: теория, история, современность».

Что касается упомянутых Вами рекомендаций для «Второй России»... Ну, давайте, осознаем еще раз, что «Вторая Россия» это примерно 4/5 всего населения Российской Федерации, около 100 млн. человек, живущих по преимуществу в провинции, точнее в различных провинциях – разнообразнейших регионах. Универсальных рекомендаций здесь не может быть.

Впрочем, надо отметить, что значительные слои «Второй России» стремятся под воздействием современной идеологии маркетинга и коммодификации, а также российской идеологии консервативного государственничества найти универсальную дорогу поближе к «Первой России», а в перспективе самим стать как «Первая Россия» – богатая, могущественная, модная. Я имею в виду стремление значительных социальных слоев провинциальной России всеми способами встроиться в потоки рыночной глобализации и российской бюрократизации.

Например, и наши исследования и общероссийский количественные исследования показывают, что, с одной стороны, «Вторая Россия» именно в последние несколько лет успешно осваивает практику и стандарты общества потребления – постоянное стремление к признакам внешнего достатка, престижного потребления и отдыха в русле идеологии казенно-патриотического существования.

Как это, например, может выглядеть в российской сельской провинции? – У большинства местных семей нет возможности, например, построить свой собственный дом. Но есть возможность внести в облик своего традиционного жилища элементы глобального благоустройства. В своих сельско-феноменологических наблюдениях на сегодняшний день я насчитал, по крайней мере, 4 таких демонстративных признака провинциально-потребительского глобально-рыночного обустройства. Представьте себе наш обычный деревенский российский деревянный пятистенок и дополните его (1) спутниковой тарелкой для приема нескольких десятков телеканалов, (2) пластиковыми окнами для лучшей тепло- и шумо- изоляции, (3) яркой (неприменно яркой – ядовито... зеленой, синей, красной) крышей из современных металло-пластиковых материалов, наконец, (4) новым забором, стандартно металлическим, также стандартно ядовито ярким, часто под цвет и фактуру крыши, почти всегда непроницаемо глухим, в отличие от традиционно деревенского щелястого деревянного «штaketничка». Обитатели такого дома отпуск свой стремятся проводить, как правило, в Турции. Почему в именно в Турции? – Потому что Турция, это, с одной стороны, «заграница», с другой стороны, по соотношению «цена-качество» самая легко доступная «заграница» для «Второй России», тем более, что в Турции может отдохнуть и «Первая Россия», правда в более дорогих турецких местах и отелях. За последние несколько лет «Вторая Россия» уже набрала кучу потребительских кредитов на покупку автомобилей, кухонь с посудомоечными и стиральными машинками, компьютеров и так далее... Между прочим, сельская и провинциальная Россия задыхаются от все возрастающих куч мусора от пластиковых и прочих упаковок, окружающих в самых неподходящих местах территории местных маломощных муниципалитетов.

Старательно стремясь встроиться в современный глобальный консьюмеризм, тем не менее, большинство представителей «Второй России» стремится также не отрываться от казенно-патриотических корней национального существования. Это заметно по тому, куда стремятся определить своих детей работать и учиться родители «Второй России». В беседах с родителями «Второй России»

меня всегда поражала непропорционально большая доля замыслов пристроить свои чада на работу в милицию, прокуратуру, таможду, ФСБ и прочие государственные, на худой конец муниципальные органы власти. Одна сельская мать, отношусь к ней с большим уважением, женщина справедливая, с большим чувством юмора и собственного достоинства, так рассказывала, как она повлияла на выбор профессии своего сына: «Он у меня в старших классах чего-то стал мечтать о профессии врача, не просто врача – хирурга, пальцы рук у него и правда, длинные, как у хирурга. Я ему сказала: «Сыночка, там ведь в медицине, надо за свою работу отвечать... Привезут тебе на операционный стол растерзанных в автокатастрофе отца и его сыночка маленького. А та их сошьешь неправильно, все тела их меж собой перепутаешь. Тебе же потом люди скажут, ты, что же, гад, делаешь? Ты должно быть свой диплом врача на сало выменял!?!...» – Так он после этой беседы так серьезно призадумался – расхотел учиться на врача (может и зря ему отсоветовала, впрочем, мы бы финансово его медицинское обучение все равно бы не потянули...), – пошел на таможенника учиться. Сейчас закончил учебу, практику на таможне проходил, но говорит неинтересная работа, все с бумажками надо возиться. Хочет устроиться в ФСБ, но попасть туда непросто. Вот его сейчас в армию призывают, он специально в десантники напросился. Службу в десантуре может зачтут ему при приеме в ФСБ».

Итак, ныне преобладающе магистральный путь «Второй России» следовать в фарватере «Первой» – прислуживать и подражать ей, мечтать о том, как за такое свое примерное консьюмеристско-казенное поведение, в конце концов, и «вторые» станут «первыми».

Конечно, для «Второй России» характерны и различные нонконформистские практики социальной жизни. Например, извечное, идущее еще от старообрядцев, стремление наоборот уйти от соблазнов государства и рынка, в глубинку натурально-хозяйственного существования. В последнее время, это традиционалистское стремление находит значительное интеллектуальное подкрепление в новейшем движении эко-поселений и родовых поместий – стремлении как городских, так и сельских семей самого разного достатка в создание жилищ и сообществ экологически чистых, самодостаточных, ориентированных на использование и развитие альтернативных источников природной и социальной энергии.

Наконец, надо сказать о чрезвычайно важной и все более набирающей силу стратегии социального партнерства в пространствах «Второй России». Речь идет, прежде всего, о движении ТОС – территориальном общественном самоуправлении. Движение достаточно молодое, от силы ему лет 10. Суть ТОС – объединение усилий групп местных жителей, прежде всего, в благоустройстве и развитии окружающих их территорий в партнерстве с муниципальными, государственными органами власти, а также местным бизнесом. Практики ТОСов выглядят примерно так: по месту жительства по инициативе отдельных активистов создаются ТОС-организации, выдвигающие инициативы благоустройства местной провинциальной жизни: строительство детских площадок, ремонт и строительство местных мостов, дорог, и прочего самого разнообразного окружающего культурного обустройства. ТОСы пишут заявки на гранты поддержки их деятельности, финансируемые соответствующими органами муниципальной и государственной власти. Обычно сумма такого гранта около 200 тыс. рублей + рабочая сила самих

участников ТОСа + возможные дополнительные вложения деньгами и техникой остальных партнеров ТОСа от физических лиц до юридических организаций. Все это кажется такой «теорией и практикой малых дел земских времен» в России XXI века. Но положительный эффект от такой деятельности безусловно есть. За последние несколько лет в значительной степени именно благодаря ТОСам, по крайней мере, предохранено от запустения и заброшенности тысячи и тысячи мест культурного обитания провинциальной России. Конечно, по большому счету, и в феномене ТОС возможно обнаружить признаки несправедливости, разделяющих «Первую» и «Вторую» России. В беседе со мной один из организаторов сельского архангельского ТОСа, демонстрируя результаты его недавней деятельности – детскую площадку в центре села, заметил: «Вот как возникла эта детская площадка – мы собирались, писали проект, участвовали в конкурсе подобных проектов других ТОСов, ждали, выиграем ли грант, выиграли, да еще своим трудом и вложениями построили, наконец, эту площадку для наших детей. А у вас в Москве и Питере и других крупных городах, строят вам много таких детских площадок, а вы и представления не имеете: откуда вам такие средства, и не обязаны вы в этом строительстве участия принимать, а нам значит ТОС – «демократия для бедных». Да, это так, – это маленькая, фрагментарная, маломощно созидательная демократия, в современных российских условиях непременно под организационно-финансовым присмотром государства. И, тем не менее, даже в таком виде ТОС-демократия оказывается чрезвычайно востребованной и эффективной. Мои сельские респонденты, указывая на отремонтированные их ТОСами участки дорог или построенных мостов через местные ручьи и речушки, отмечали: смотри, это построено в раз пять дешевле, чем это сделало бы государство, в несколько раз надежней и без коррупции. Я с ними согласен.

В наших исследованиях мы стремимся выявить именно многообразно оригинальные практики самоорганизации и саморазвития «Второй России», найти пути их устойчивого и достойного развития через местные самоуправление и кооперацию.

Я сейчас веду интервью с Дмитрием Рогозиным, который наблюдает жизнь «Второй России» в малых городах Сибири, в «глубинке». Как и у Вас, это тоже экспедиционный метод, глубинные интервью; думаю, Вы знаете о его проекте. В частности, он описал жизнь одного монопроизводственного городка; история – типичная. Раньше все жители городка так или иначе были связаны с функционированием крупного предприятия, в последние годы его владелец, молодой, прогрессивно мыслящий человек, меняет технологию производства, что ведет к резкому сокращению численности работников этого комбината. Как следствие – высокой уровень безработицы, износ всей городской инфраструктуры, потеря населением ориентиров в жизни, отток молодежи и т.д. Руководство комбината все это понимает, но оно не может решить всех проблем города, не могут активно помочь городу и высокие региональные властные структуры.

По Вашему мнению, насколько описанное типично? В чем Вам видится решение этих проблем?

История очень типичная. Во-первых, она типична в основополагающем политэкономическом смысле. Везде, где проводится рационализация производства, связанная с повышением производительности труда, там происходит

сокращение рабочей силы, порой весьма значительное — и не только в сибирских, а также в американских, африканских, китайских городках, — по всему свету. Но она типична для нас также в специфически постсоветском контексте. В экономической теории и в социальной практике предполагается, что конъюнктура рынка и социальная политика государства предоставят альтернативные места занятости жертвам технологического прогресса. Альтернативные места занятости появятся, благодаря все тому же прогрессу рыночного типа, изобретающему также все новые места для приложения человеческой активности. Но это все идеально типичные предположения социальных наук, в реальности международной и, конечно, пост-советской особенно среди легко уязвимых моно-территорий моно-производств мы можем обнаружить в результате закрытия или модернизации местных предприятий значительный рост безработицы, сопровождаемый, как правило, упадком местной инфраструктуры и культуры. Кейс Рогозина я могу дополнить сюжетами массового высвобождения работников ряда современных сельскохозяйственных и лесоперерабатывающих предприятий, как правило, в результате того, что современные, как правило, импортные, трактора или комбайны, с соответствующими шлейфами навесных орудий, оказываются в пять раз производительней бывших советских машин, в пять раз, сокращая, таким образом, количество требуемых механизаторов в аграрной и лесной сфере.

Значит надо создавать альтернативные места занятости, — сокращенные трактористы и доярки, лесорубы и трелевочники пусть идут работать на вновь открываемые предприятия местной аграрной и лесной переработки — от молоко- и хлебо- заводов до мебельных и сувенирных фабрик. Но это такой высший пилотаж социально ориентированной рыночной политики, который в реальности малодоступен неуклюжим российским органам государственной и муниципальной власти. Более того, сплошь и рядом мы на местах видим конфликты между местными предприятиями (местным бизнесом), местными муниципалитетами, местными органами власти и местным населением. В чем выход? — в поисках партнерства. У нас бизнес, власть (государственная и муниципальная), а также население сплошь и рядом смотрят друг на друга как на врагов. На примере ТОСов я говорил о созидании культуры социального партнерства пусть пока на самом низовом микроуровне, использующем, прежде всего, местные ресурсы.

Саша, Ваша командировка дала нам естественный переход от Ваших историко-научных исследований к Вашим исследованиям современной реальности. Вы сами считаете, что работаете по двум разным направлениям или они — просто две проекции какого-то единого замысла, скажем, суперпроекта?

Интересный вопрос. Долгое время я считал, что это разные направления, в шутку для себя называя их «мои два фронта», меж которыми я разрывался и разрываюсь уже много лет. Но в последнее время я ощущаю как эти до того разрозненные области моих занятий определенно трансформируются в «единый фронт» исследовательской работы. Например, в текущих полевых исследованиях меня чрезвычайно интересует проблемы социальных пространств депрессивных и маргинальных территорий Российской Федерации. И вот я обнаруживаю, точнее заново осознаю и припоминаю, что многие мной любимые советские

авторы, ученые и литераторы, уже ставили именно эту проблему в центр своих интеллектуальных исканий. Мандельштам, сосланный в 1930-е годы в Воронеж, пророчески восклицал: «Что делать нам с убитостью равнин!?»

Я ищу альтернативы пространственного развития заброшенных территорий, но как историк, я хорошо знаю, как часто новые альтернативы оказываются хорошо позабытыми альтернативами старыми. Восстановление распавшейся связи времен альтернатив прошлого и настоящего в поисках альтернатив будущего, — вот что начинает объединять сейчас мои историко-биографические и социально-региональные исследования. Впрочем, я нахожусь здесь в начале пути — на уровне смутного предчувствия, а не внятного проекта.

Мне знакомо это состояние предчувствия. На рубеже старого и нового столетия я начал изучать становление американской: рекламы (первая половина XX века) и возникновение опросов общественного мнения в США (1930–1980). А в 2004 году, не заглядывая далеко вперед, втянулся в проведение интервью с социологами и задумался о некоторых сторонах нашей истории. И потом на протяжении, наверное, пяти лет думал, что у меня два проекта. Но потом осознал, что — лишь один — «поведение творческой личности в разных социально-политических средах». И стало легче... Не задумывались ли Вы о подготовке докторской диссертации, тематика которой синтезировала бы Ваши находки и раздумья, накопившиеся за последние годы?

Да, Ваше исследование, действительно, в конце концов, глубоко и органично вобрало в себя проблематику творчества социальных исследователей в США и России. Хотя даже Ваши первые публикации про становление опросов общественного мнения в США казались мне какими-то очень русскими. Не в том смысле, что российским исследователем написаны, а в том, что когда лет 10 назад читал я у Вас главы про Гэллапа или про Хурью, у меня возникал ассоциативный ряд идей, связанных именно с российской проблематикой социальных исследований и исследователей.

В этой связи я должен еще упомянуть, что в российских исследованиях проблематики сельско-городских периферийных пространств для меня всегда был важен учет исторического и современного опыта иностранных исследователей, прежде всего, американских и германских, но также английских, голландских и финских ученых.

Исследования проблем опустошенности российских пространств не может опираться исключительно на отечественную традицию, какой бы, действительно, богатой и глубокой она не была. И российским и иностранным исследователям необходимо компаративистское сравнение «особенностей национальных глубинок». Между прочим, сейчас с несколькими иностранными коллегами я как раз обдумываю возможность такого специального проекта синтезирующего различные методологии исследования особенностей региональных маргинализаций.

О докторской. Хотелось бы ее написать. Но, любая диссертация — магистерская, кандидатская, докторская, — есть, прежде всего, образец академического чистописания на избранную оригинальную тему. К сожалению, у меня именно на

академическое чистописание систематически не хватает времени и сил. Вот этим летом хотел, как раз поработать над докторской, а в результате в очередной раз увяз в полевых исследованиях, в этом летнем сезоне — в архангельских «болотах».

Вообще когда-нибудь нам надо будет специально пообсуждать специфичность современных российских подходов к анализу биографий и наследия ученых, внесших заметный вклад в развитие тех или иных научных идей и методов. Вы упомянули мои ранние работы по истории опросов общественного мнения в США; первая моя публикация об Эмиле Хурьи была осенью 2002 года, а о Джордже Гэллапе и того раньше. Я многое тогда упрощал, отчасти в силу того, что не предполагал задерживаться надолго в этой исследовательской нише.

Но остаюсь в ней уже свыше 10 лет. И что для меня оказалось совсем неожиданным, так это возвращение к анализу мало изученного американскими специалистами наследия и личности Хурьи. Так, я задумал написать статью под условным названием «То, что казалось тупиком, было прорывом». Простенькая процедура перевзвешивания результатов электоральных соломенных опросов, разработанная Хурья на рубеже 1920-х — 1930-х годов и забытая после рождения гэллаповских выборочных опросов, в 2008 году предстала как суперновый агрегационный метод прогнозирования исхода президентских выборов. А первые опыты Хурьи в консультировании стратегов президентской кампании Франклина Рузвельта стали одним из импульсов развития политконсультирования.

Вам не приходилось обнаруживать в супер новом хорошо забытое старое?

Мне кажется, любому более менее серьезному исследователю приходится относиться к «супер новому», во-первых, с разумной осторожностью, ибо достаточно часто «супер новое» оказывается всего лишь модной пустышкой, а во-вторых, настоящее супер новое, как правило, опирается осознанно или неосознанно на предшествующую интеллектуальную традицию. В таком случае это супер новое для доказательства своей интеллектуальной респектабельности само радо подтвердить, что оно является современной реинкарнацией хорошо забытого старого.

Из моих собственных историко-современных исследований я могу сослаться на феномен долгого критического забвения и недавнего открытия концепции сельского-городского континуума Питирима Сорокина, между прочим, современника Хурьи, также как Хурья чрезвычайно плодотворно работавшим в Америке именно конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Уж, насколько Сорокин в пост-советской России стал популярной фигурой, но и то в фокусе интереса современных российских исследований все находились сорокинские социологии революции, голода и культуры. Я сам обратил внимание на значение концепции сорокинского сельско-городского континуума на одной небольшой конференции в Хельсинки, посвященной проблемам организации сельско-городских пространств, где английские географы пост-модернисты и скандинавские сельско-городские социологи чрезвычайно плодотворно разрабатывали идеи сорокинского сельско-городского континуума применительно к современной европейской пространственной реальности.

Другой пример, относящийся к совсем недавним временам, — исследования Татьяны Ивановны Заславской и ее коллег в области типологии советской сельской деревни конца 1970-х — начала 1980-х годов. Здесь ситуация оказалась

еще более драматической. Как известно, в период перестройки сельские исследования Заславской были подвергнуты злобной, недобросовестной критике, утверждавшей, что именно Т.И. Заславская была виновна в претворении в жизнь концепции так называемых неперспективных деревень. Возможно из-за этой ахинеи, до сих пор мало кто берется переосмыслить значение именно сельских исследований Заславской для понимания современных проблем российского села, — исследований, на мой взгляд, и по сию пору, безусловно, ценных.

Вы знаете, чем хороши научные исследования из прошлых времен, часто становящиеся для нас неувядающей, креативной классикой? — В них пульсирует мера как способ научного измерения, как путь к исследовательской гармонии.

В этой связи против соблазнов «супер нового» без припоминания хорошо забытого старого я люблю вспоминать замечательное четверостишие Г. Иванова:

И черни, требующей новизны,
Он говорит: «Нет новизны. Есть мера,
А вы мне отвратительно-смешны,
Как варвар, критикующий Гомера!»

В 60-е — 70-е годы было написано значительное количество научных биографий выдающихся людей. Так, В. П. Зубов издал глубокое исследование о Леонардо да Винчи, даже во Франции высоко ценят описание А. З. Манфредом эпохи и личности Наполеона, блистательными по содержанию и стилю являются книги Б. Г. Кузнецова об Эйнштейна, Галилее, яркими примером «кентавристического», или научно-художественно-научного, подхода к анализу творчества стали работы Д. С. Данина о Боре и Резерфорде. Мог бы продолжить этот ряд. Уже два десятилетия я живу в Америке и понимаю, что оторвался от литературы этого рода. Может быть, Вы, хотя бы немного, наблюдаете за новинками историко-биографического жанра?

Да, конечно, историко-биографический жанр один из моих самых любимых. Я приобщился к нему в детстве. Лет в 10 я с удовольствием прочитал книгу публицистических очерков Ярослава Голованова «Этюды об ученых», которые изначально, насколько я помню, печатались в «Комсомольской правде», а потом были изданы отдельной книгой. До сих пор из этой книги помню очерки о Ньюtone, Гюйгенсе, Декарте, Курчатове. В библиотеке родителей я прочитал книгу Данина о Резерфорде и книгу Кузнецова о Галилее.

В современной России, на мой взгляд, жанр биографики очень популярен. Но для него часто характерен перекосяк в попсовые историко-политические и звездно-бытовые стороны. Впрочем, в серии ЖЗЛ, достаточно регулярно выходят ценные научно-биографические книги. Из мной прочитанного хочу особо отметить ЖЗЛ-книги «Колчак» Павла Зырянова и «Платонов» Алексея Варламова. К сожалению, я почти не слежу за биографикой именно ученых. Здесь могу отметить книжку Тамары Кузнецовой об экономисте академике Л. И. Абалкине.

Саша, по всему, что Вы рассказали мне о направлениях своих научных интересов, о разрабатываемых проектах и методах анализа, из того, насколько я знаком с результатами Ваших поисков, можно заключить, что, несмотря на многолетнюю работу в сильных научных коллективах, регулярное участие в различных форумах, Вы не принадлежите к какой-либо социологической (или социоэкономической) исследовательской школе, Ваше участие в комму-

никационных сетях весьма ограничено. Так ли это? Прокомментируйте мое допущение...

Это Вы точно подметили: ни к каким особо школам не принадлежит, в коммуникационных сетях участвует весьма ограничено ... — так я чувствую себя более естественно и свободно. Я странник междисциплинарных направлений и не только аграрных, часто бредущий в маргинальных пространствах социальных наук.

От Г. С. Батыгина я как-то услышал о науковедческом открытии В. А. Ядова: «Все ученые живут шайками!». Мне очень дорого это ядовское, по сути, также странническое утверждение, — я с ним абсолютно согласен. И у меня есть своя «шайка» близких мне по духу исследователей-странников междисциплинарного познания мира.